

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

16.03.2015

№3 (48) Март 2015 года

- Мы помним Вас

ЖИЗНЕННАЯ ЛОГИКА СТРОГА

На погосте деревни Прутня в тот год была не в первый раз, но как отказаться от предложенной экскурсии, если есть возможность ещё раз побывать на могиле той, кому Пушкин посвящал свои незабываемые строки. И предвидеть не могла, что на этот раз судьба подарит мне, необременённой заботами пациентке санатория Митино, встречу, пока заочную, ещё с одним большим поэтом. Думаю, что такого интригующего момента желал бы сегодня каждый, кто был знаком с Евгением Игнатьевичем Сигарёвым, но повезло только мне.

Когда наша группа подошла к могиле Анны Керн, на ней, кроме ветки ярко-рыжей рябины, белел приколотый прутиком бумажный листок, а на нём стихи:

*Осняет ваш крест берёза.
Далеко он, ваш визави.
Низко кланяюсь вам за слёзы,
И за жизнь, и за горечь любви!*

Стихи эти показались мне пылким признанием в любви через века светской красавице, покорившей не одно сердце. Воображение живо нарисовало восторженного юношу-поэта, приколовшего этот листок. Он принёс свои стихи той, кому их посвящал. Он понимал её, как никто. Подпись - Евгений Сигарёв - ничего мне тогда не сказала, имя это слышала впервые. Но, хотя и забылась точная дата, сам случай, как и выхваченные памятью отдельные строки тех стихов, поселились в памяти.

Вначале двухтысячных оказалась на литературных встречах в Торопце, куда пригласили представителей литклубов западной зоны области секретарь правления Союза писателей России Тверской писательской организации Е. И. Сигарёв и тверской писатель М. Г. Петров. Выслушали нас, косноязычных, с большим вниманием, давали советы, попросили прислать стихи. Я отправляла свои тексты без всякой надежды на какие-то последствия и немало удивилась, когда вскоре была приглашена в Торопец. На встречу снова приехал Сигарёв. Оказывается, он, пытаясь извлечь хоть толику стоящего из наших виршей, внимательно прочёл толстую кипу рукописных листков. Делал нам очень доброжелательные замечания, хвалил за каждую удавшуюся малость, одним словом, внушал уверенность в себе. Много позже, когда прочла в его интервью «Тверской газете»: «Если из тридцати стихотворений два хороших, я на них указываю», – поняла, что с нами он действовал по тому же принципу. Ну как при таком подходе не засесть всерьёз за работу над своим стихом? Стоит ли удивляться, что многие из учеников Сигарёва добивались потом успехов.

Я не помню других руководителей Тверской писательской организации, которые бы посещали наш отдалённый уголок. Сигарёв это делал легко, несмотря на возраст. Бывал он и в Андреаполе. В нашей библиотеке хранится сборник его стихов «Честь имею» с подписью: «Дорогим читателям Андреаполя – западного форпоста России, с любовью!». Жаль только, что контрольный листок возврата не изобилует записями, книгу брали не часто. К сожалению, мы плохо знаем свою тверскую литературу, а ведь есть в ней имена достойные. И в первых рядах Евгений Игнатьевич Сигарёв.

Вот лишь несколько фактов из его биографии. Родился 1 июня 1928 года в городе Рубцовске Алтайского края. В 1943 году бежал на фронт, но был пойман и направлен в только что открывшееся Ташкентское Суворовское военное училище, которое окончил с золотой медалью. Он боевой морской офицер, поэт, лауреат литературных премий им. Георгия Поротова, премий журналов «Дальний Восток» и «Пограничник». Награжден четырнадцатью медалями. Его стихи переведены на английский, китайский, вьетнамский, белорусский, украинский языки.

Мне повезло встретиться с ним ещё несколько раз, он успел написать пару добрых слов в предисловии к нашему стихотворному сборнику. Последний раз виделись в Горьковской библиотеке незадолго до его кончины. Там же, листая очередной его сборник, увидела то самое стихотворение с прутненского погоста: «*Как ей хочется жить и смеяться! // Как вослед офицеры косят...*». Поразилась несказанно. Евгений Игнатьевич переехал в Тверь в 1997 году, ему было 69 лет. Не сразу совместились в моём воображении восторженный юноша-поэт, приколовший прутиком те строки на могильном холмике Керн, с маститым наставником поэтов. Теперь, перечитывая его стихи, понимаю, что возраст в паспорте не являлся возрастом его души. Он и был молодым, вечным юношей с повадками и правилами гусара: «*За честь – полжизни, // За любовь – полцарства, // Всего себя – за правду до конца*».

М. Петрова

ЕВГЕНИЙ ИГНАТЬЕВИЧ СИГАРЕВ

(1928 – 2010)

ГУСАРСТВО

Прости мне,
Офицерское гусарство,
Воздавшее от первого лица
За честь – полжизни,
За любовь – полцарства,
Всего себя – за правду до конца.
Простите мне,
Фонтаны Петергофа,
Признание белой ночью на Неве,
И под гитару пушкинские строфы,
И вольнодумство в звонкой голове.
И Летний сад в ограде золочёной –
Курсантов и студенток фаворит.
Простите мне,
Что нынче кот учёный
Совсем иные сказки говорит.
Богатыри в стихах – народ не частый.
Сквозь дрему в ус не дует Голова.
Начертаны не шариковой пастой –
Пером гусиным вечные слова.
...Теперь не въехать в Лету без билета,
Бессилен бег легчайшего пера.
В поэзии -
Пора кордебалета,
Переизданий клановых пора...
Хорей забыт.
Кроссворды гонит пресса.
Но через сто и через двести лет
Готов ответить выстрелу Дантеса
Потомством наведённый пистолет.
Свой высший суд верши, моё гусарство,
Отдай не ради красного словца
За честь – полжизни,
За любовь – полцарства,
Всего себя – за правду до конца.

К* * *

*Анна Керн похоронена на погосте
д. Прутня близ Торжка*

От наветов придворной плутни
Приютил посконный уезд
На погосте деревни Прутни
Православный могильный крест.
И молчу я, не сдавший словно
Свой экзамен в лицее экстерн.
Генеральша Анна Петровна,
Вам является Анечка Керн?
Как ей хочется жить и смеяться!
Как вослед офицеры косят,
Если юной жене – семнадцать,
Если мужу за пятьдесят.

Он вас кличет домой, не докличется,
А на хорах играют вальс.
Нынче даже его величество
Шаловливо глянул на вас.

Жаль, что Пушкин не в первопрестольной,
Говорят, из-за дамы одной...
И в Тригорское своевольно
Вас уносит возок штабной.

Как он там, где душит опала
Откровенья его души?
Стихла дружба, любовь запропала
В деревенской сонной глуши.

Отлучённый от шумной столицы,
Где знакомства доступно пусты
Увенчал он чело блудницы
Нимбом гения красоты.

В том порыве не было фальши
И лукавства в помине нет.
Кто бы помнил вас, генеральша,
Если б вас не воспел поэт?

Да и сам он, бретёр, вития,
На пирушках – калиф на час,
Где бы взял он слова такие,
Если б чудом не встретил вас?

И витает прелесть каприза
Без оглядки на злобу химер
Над улыбкою Монны Лизы,
Над загадкою Анны Керн.

Осеняет ваш крест берёза.
Далеко он, ваш визави.
Низко кланяюсь вам за слёзы,
И за жизнь, и за горечь любви!

Ваш покой свечою церковной
Ограждён от словесных скверн.
Бог судья вам, Анна Петровна,
Бог судья вам, Анечка Керн.

БЕРНОВО

Плывут века, восходами алея.
Хранят перо гусиное пруды.
И снова бродит Пушкин по аллеям,
Где Анна Керн оставила следы.
А в доме Вульфов те же реверансы,
И вздох украдкой слышится едва...
Там пишет время новые романсы
На сказанные шёпотом слова.
И не видать завистливых подножек,
И не слышать хихиканья вослед,
И верится, что нынче Бог поможет
И отведёт дуэльный пистолет.

(продолжение на стр.3).

(начало на стр.2).

* * *

Мы бежим по замкнутому кругу.
 Жизненная логика строга:
 Дашь взаймы и потеряешь друга,
 Скажешь правду – обретёшь врага.
 Смелость наша только до порога.
 Съели пряник, дело за кнутом.
 Мы усердны:
 Сами лепим Бога,
 Сами Богу молимся потом.
 Русь ты, Русь,
 Твоё ли это время –
 Бум сберкнижек, дач и запчастей?
 Чёрт-те что:
 Воюем из-за премий.
 И номенклатурных должностей.
 Наспех дружба,
 Свадьба для потехи,
 Второпях последнее «прости».
 Люди, стойте!
 Что за неумехи...
 Попугая что ли завести?

ЛОПУХИ

Изгнанные прочь из огорода,
 По канавам
 Толпами и в ряд
 Лопухи – плебейская порода –
 Преданно, как ратники, стоят.
 Ради торжества тепличных граций,
 Добрые,
 Они обречены
 На хвостах кобыльих красоваться
 Да цепляться сдуру за штаны.
 Для рассады квёлой
 Рыхлят грядки,
 Дождь машинный сеют по жару.
 С лопухов ушастых взятки гладки –
 Радостно торчат на пустыре.
 А по ним, играя в полководца,
 Мальчуган на прутике,
 Упрям,
 В бой летит
 И палкой, как придётся,
 Головы сшибает лопухам.
 Даже в сказках издавна – слышали? –
 Чтоб вернуть в седло наверняка,
 Врачевали бабки лопухами
 Раны у Ивана-дурака.
 Землю почитающие свято,
 За чужие битые грехи,
 Лопухи – отменные ребята!
 Только очень жаль, что лопухи...

• Новые книги

НАШИ В ТОРОНТО

В издательстве АЛЬТАСПЕРА (г. Торонто, Канада) вышли две книги андреапольца Владимира Юринова: сборник стихов и повесть.

Произошло это таким образом: тексты издатель увидел на сайте "Самиздат", после чего связался с В. Юриновым и предложил заключить договор на издание нескольких книг. Первоначально остановились на издании сборника стихов и одной повести.

Тираж полностью зависит от спроса. На сайте издательства выложены анонсы книг. Любой заинтересованный читатель заказывает для себя необходимое количество понравившейся книги. В требуемом количестве книги немедленно печатаются (современное оборудование это позволяет) и отправляются по почте читателю.

Со сборником стихов «Попытка поэзии», который в прошлом году был выпущен одним из тверских издательств, андреапольцы уже знакомы: в библиотеке состоялась его презентация, он есть в продаже в нашем книжном магазине. Вот как она анонсирована канадским издательством:

«ПОПЫТКА ПОЭЗИИ».

Удивительная философская глубина, высокая художественность повествования и скрупулёзная работа со словом, со звуком – вот то, что отличает поэзию Владимира Юринова. В книгу вошли лучшие стихи поэта, написанные в разные годы».

Повесть же увидела свет впервые именно в зарубежном варианте. **«ДВЕРЦА В СТЕНЕ».** *Постоянное балансирование на грани реального и мистического, острый психологизм ситуаций, сочный язык изложения, добрый юмор – вот что отличает повесть Владимира Юринова «Дверца в стене». Действие книги происходит в наши дни. Имеет ли человек свободу выбора? Не иллюзорна ли она? Не предопределён ли тот или иной поступок человека, то или иное его решение всей его предшествующей жизнью? Эти непростые вопросы ставит перед читателем автор. И честно пытается ответить на них».*

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

1995

(Любино – Торжок – Маслово)

22.02

У Довлатова нашёл мысль, которая мне близка и которую я – штрихом – высказал в дипломе: при светлой и благородной цели средства по её осуществлению могут быть ужасны. Это все гримасы нашей демократии, нашей монархии, нашего союза коммунистов и вообще всего нашего.

Но только ли нашего? У Довлатова в «Марше одиноких», похоже, только нашего.

Но, мне кажется, что там, где вообще возможна конформность, где она результат либо чрезвычайно активных, либо чрезвычайно пассивных жизненных принципов, там – везде – это возможно.

«Хлеба и зрелищ» – это толпа, и это наследие Рима, спроецированное на сегодня (и на до-сегодня и на после-сегодня, вероятно), и это корень зол не только сегодняшней России, но и сегодняшней Европы и Америки, и, пожалуй, всей мировой цивилизации. Христианство, кажется, мало привнесло нового в эту сферу ментальности, наоборот, оно очень быстро «цивилизовалось» и при внешних отличиях от языческих традиций, внутренне приспособило себя к невесточному существованию. Отсюда – наследие чрезвычайно активного Рима, даже времён упадка, – внутренний фанатизм. Патриархальная Россия с её соборной Церковью до 18 века и ряд восточных религиозных систем противостояли европеизированному христианству. Здесь фанатизм проявлялся во внешнем, частью как одна из сторон патриотизма.

Фанатизм изначально не присущ христианству. Он привнесён именно языческим Римом. Как восточное вероучение христианство единственно и уникально: оно не тоталитарно, оно не фанатично, оно гуманно. Закон милосердия и терпимости, кажется, встречается лишь в некоторых – незначительных по количеству, численности членов – философских школах Китая и Индии. В Евангелиях же этика милосердия и терпимости выражена предельно отчётливо и ярко. Но уже в средневековой Европе эта этика соблюдалась формально.

В России же не было античных, целостно и философски утончённо разработанных языческих традиций, языческой культуры, хотя бы потому, что она продолжительное время не была оформлена как государство, то есть не было государственной языческой культуры. Русское государство стало формироваться одновременно с русским Православием. Хотя даже Киевская Русь, особенно на начальном этапе своего существования, – это достаточно пёстрый по своему этническому и религиозному составу союз племён. Видимо поэтому Русь не осваивает, модернизируя и приспособляя под себя, христианство, а усваивает, приспособляясь под него и создавая на уже готовой традиции свою, мало чем отличающуюся от исходной.

У нас не было религиозных войн, у нас не было инквизиции до тех пор, пока не вмешивалось в наши внутренние дела европейское христианское начало (католицизм, масонство и проч.). Отсюда и наш раскол, и декабристы, и 1917 год, отсюда и наша «перестройка».

Так какой же сейчас «наш» путь, какая «наша» идея: мы уже несколько столетий – Европа, пусть и её задворки, и давно всё «наше» – это и «их». И давно «Хлеба и зрелищ» для нас столь же актуально. А они этого, кажется, до сих пор не понимают.

02.03.

Вчера убили Владислава Листьева. Тальков, Листьев..., и нет конца убиенным. Кроважидная, сумасшедшая – и сходящая с ума окончательно – страна, что ты делаешь?! С кем и с чем останешься? Трупы, трупы... А на экране всё больше глупостей и тупости, всё больше примитива и ... обнажённого мяса, животного мяса, потому что «это» – не похоже на людей.

Телевизионный «процесс» по делу Листьева, который объявили, точнее, «следствие» – это такая благоглупость. Этим должны заниматься милиция и прокуратура. Хотя: что они могут?

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 4).

Одно ясно: передаче «Час пик» каюк; кем бы ни заменили Листьева, с ним погибла и его передача. Есть незаменимые люди. Хотя и пафосно, но, действительно, по Алкею, сердце его «было вскормлено на конце копья», на пике.

А убийц не найдут.

29.03.

Тайна, которая разгадана, – перестаёт быть тайной. Цель, которая достигнута, – умирает. Но если ты пессимист, солнечный луч, утром упавший тебе на ресницы, должен убедить тебя в том, что жить стоит.

(Contra Довлатов.)

17.04.

- Приятного аппетита!
 - Спасибо! – хор голосов.
 - Вот это да! Ест один, а спасибо говорят все!
 - Как и в стране! Как и в стране!
- (Разговор в школе.)

(На улице у подъезда.)

– «Дикая Роза» начинается!!! – почти истерически завопила в форточку 3-го этажа немолодая голова. Старушек и прочих женщин со скамеечек как ветром сдуло. Осталась только детвора 4 – 5-летнего возраста в количестве трёх человек обоего пола, что-то мастерящая из песка, да два кота с достаточно серьёзными усатыми физиономиями – чёрный и рыжий, – ворчащие друг на друга.

Во как! А объяви кто-нибудь, что идёт передача с, например, Солженицыным, да ещё на всю улицу, да ещё во всё горло – почтут за сумасшедшего.

Вот, пожалуй, и всё, что осталось от культуры в массах. ЦИ-ВИ-ЛИ-ЗА-ЦИ-Я, одним словом.

22.04.

Суббота. Завтра Пасха. В 19¹⁰ «Россия». Передача «Платонов и Горький: приговорённые к счастью». Лев Аннинский. Редкий случай хорошего по ящику.

27.04.

Меня очень страшно угнетает город. Я – деревенский житель. Треск дров в печи для меня музыкальнее змеиного шипения автомобильных шин на асфальте.

Ночью – ливень. Дождь сплошным чахоточным потоком. Грохот грома. Пляска молний. Кажется, дом рухнет.

Видимо, утром быть потопу. Жаль, что останется каждой твари далеко не по паре.

30.04.

(Разговор в автобусе. Без комментариев.)

- Я в Афгане полтора года, чёрт его знает, зачем воевал. А ты – в Чечне... За что воюешь?
- За Отечество, – с полупьяной улыбкой.
- За какое?
- За наше, в рот его ...
- За наше?! Этих сук защищаешь, а они на базаре яблоками торгуют, ...

04.05.

Материалы к биографии В. Вернадского очень интересны. Основным философским вопросом, по-видимому (точнее, одним из основных вопросов), ещё долгое, очень долгое время будет оставаться вопрос о причинности. Ноосфера – это только шаг к разрешению проблемы причинности.

Автотрофность человечества – будет ли это? Сейчас, по крайней мере, попытки в этом направлении приводят чаще всего к серьёзным нарушениям деятельности человеческого организма. Человек сегодня стремится уйти от модифицированных и синтезированных химическим путём продуктов к потреблению естественной животной и растительной пищи. Но человечество на планете стремительно растёт. И проблему обеспечения нормальной здоровой пищей рано или поздно придётся решать.

05.05.

Пятница. Холода. На улице – дубак. В школе ещё холоднее. Уроки завтра сокращают до 35 минут. Что-то случилось с котельной.

Читаю Хемингуэя, разные рассказы из сборников. Много для меня неинтересно, к тому же в книге много досадных и нелепых опечаток. Быть может, так дурён перевод? Не знаю. Лучше всего «На Биг-Ривер I» и «На Биг-Ривер II».

Попутно лосевская «История античной этики». Но для Лосева нужны тишина и покой и хотя бы час в день абсолютного одиночества. А этого нет. Кучи тетрадок и не нужных никому бумаг, огород и ещё тысячи мелочей – съедают так необходимое мне время. И этому поеданию не видно конца.

(продолжение следует).

• Новые стихи

*Наталья Шабанова,**Андреаполь***ВСТРЕЧА С СЕЛЬЧАНКОЙ**

– Как дела? Как вы живы-здоровы?
 – Да не тужим. Живём помаленьку,
 А дела наши – тоже не новы,
 Потеплеет – тот час на скамейку.
 Засиделись за зиму, так что же?
 Отработались мы, отплясались.
 Вот годков бы на пять помоложе,
 Тогда б с вами ещё потягались.

Как бывало: заря ещё только
 На восходе макушек коснётся,
 А с ведром уже бойкая Тонька
 Босиком на колодец несётся.
 А потом на покос, да на сено
 До обеда и в доме прибраться,
 А за полдень, кажись бы, и села,
 Да уж стадом пора заниматься.
 Ребятишек помыть, позабавить,
 Всю посуду прибрать, да и к месту...
 Было время, чего ж тут лукавить,
 И кино посмотреть, про невесту.

А бывало и в лес за грибами
 Да за клюквой в болото сырое,
 Еле тащишь, а грязь под ногами
 Так урчит, будто пузо пустое.
 А картошку копали, так колом
 Вся спина уж под вечер вставала
 Притулишься чуток к частоколу
 И опять за работу – всё мало!

А и вспомнить-то, боже ты правый!
 Всё заботы с утра и до ночи.
 И суровыми были-то нравы!
 –А вернуться в то время-то хочешь?
 –Ах, дочушка, скажу не поверишь,
 Хоть и трудно, но весело жили.
 Разве мерой какую измеришь,
 Как любили и как мы дружили?
 То, что было, теперь не увидишь.
 Голопупых коль только покажут.
 А бывало нарядным-то выйдешь,
 «Королевна!» – вослед тебе скажут
 Без утайки скажу: работающей
 Да и статною девкой была я,
 Как теперь бы сказали – блестящей
 И добрейшей до самого края.
 Потому и жених мне сыскался
 Деревенский, посватался скоро.

За всю жизнь наш союз не распался,
 А ухаживал просто умора!
 Заболталась я, милая, что-то
 Да и то, как такое забудешь!
 Ты беги, а то ждёт тебя кто-то,
 Заходи, коль в местах наших будешь!

НОВОГОДНЕЕ

Просыпаясь, скажу:
 – Добрый день!
 Чудеса новогодние, здравствуйте!
 Хоть вставать мне немножечко лень,
 Всё же сказкой своей вы хвастайте.
 Надышаться сегодня хочу
 Твоей свежестью, ёлка-красавица.
 Я игрушечный шарик кручу,
 Он, как в детстве,
 всё больше мне нравится.
 Этих ленточек пёстрая гладь
 И снежинок изящное кружево...
 Так и хочется их приподнять,
 Чтоб зима по квартире завьюжила.
 Запах смолки и ветер лесов
 Несказанно приятен, до нежности.
 Но торопятся стрелки часов
 По какой-то своей неизбежности.
 Загорается новый рассвет.
 Новый день, новый год начинается.
 И мигает мне ёлка в ответ:
 –Чудеса никогда не кончаются!

УМИРАЮЩИЕ ДЕРЕВНИ

Всё, что в детстве казалось большим,
 Стало маленьким, низким, убогим...
 Будто в землю вросло на аршин
 И ссутулилось возле дороги.

Вот и избы под серой доской
 Скособочились, как неродные.
 Я смотрю на деревню с тоской,
 Со слезами, что в горле застыли.

Что с тобой, моя милая Русь?
 Дом родной и деревня родная?
 О грядущем и думать боюсь.
 Ты живёшь, но живёшь умирая...

Любоваться могу бесконечно
 Чудной прелестью здешних мест
 И вдыхать аромат скоротечный
 Всех черёмух – весенних невест.
 Над рекой, в придорожном лесочке,
 Возле дома и в зарослях ив,
 На подсохшем лесном бугорочке –
 Всюду вид их хорош и красив!

• Новые стихи

Татьяна Ланко,

Андреаполь – Великие Луки

РАСКОСАЯ РОССИЯ

Хорошо, когда идёшь
По земле своей, мечтая,
А вокруг стоит густая –
Налитая солнцем рожь.
Ты, Россия, как мужик,
В рамках своего закона.
У тебя в руках икона,
Но на ней поникший лик.
Ходишь в брюках почему?
Попускаешь сквернословить,
Куришь... это ли не повесть,
Искушенья на дому?
Грудь ребёнок не сосёт,
Хоть и с женщиной мужчина,
Как и прежде, ждёт и ждёт
Чтобы Бог послал вновь сына.
От любви или разлук
Обкорнала русы косы,
А глаза, зачем раскосы,
И в гостях кудрявый друг?
Это просто за морями
Плачет трелью соловей.
Будто лён родных полей -
Вновь прядёшь, живя мечтами,
Поднимаешь ввысь бокал,
Выпить новый наготове
И уже не красишь брови,
Отправляясь в скромный бал.
Преподносишь там дары,
От беды себя спасаешь,
Правил игр чужих не знаешь,
Но всегда в кругу игры.
Да, такая ты одна –
Свет от края и до края,
Ты богата, и бедна,
И чужая – и родная.

В ДОЖДЬ

Люди прячутся под крышу,
Дождь заладил проливной,
Шёл бы он немного тише,
Чтоб скорей прийти домой.
Разве хочется промокнуть?
Девушка берёт такси,
Дождик трогает за локоть,
Разрешенья не спросив.
На кого сердиться снова,
Если улицы пусты?
Вот таксист весёлый Вова

Удивился: кто же ты?
Кто тебя обидел – осень?
Не грусти, придёт зима.
Мы со снега тоже спросим,
Как и с шумного дождя.
Где гулял он, кто заметил
Дождь опять запел без нот:
Снег всегда мечтал о лете,
Только всё ж к зиме идёт.
Можно спрятаться под зонтик,
Можно в дом закрыться свой,
Только там, где вы живёте
Снега нет, и дождь другой.

СПУСТЯ 300 ЛЕТ

Под первый снег и тишины звучанье
Так хорошо по городу брести
Снег приглашает, словно на свиданье,
Где всё волшебным кажется в пути.
Он кружит в танце наше настроенье,
И фонари загадочно блещут,
Как будто наступило воскресенье
Тому, что было триста лет назад.
А было то, что мы с тобой хотели –
Пройтись вдвоём спокойно вдоль реки,
И чтобы ветер на своей свирели
Нам пел, что торопиться не с руки.
И мы внимаем, точно понимаем
Что хорошо забыть про все дела.
А снег скользит, а мы идём по краю,
Дороги той, что вновь белым бела.

БЕЗ СПРОСА

Снег идёт, усталый, тихий,
Следом вкрадчивый мороз,
Нарумянив щёки лихо,
Белой пудрой белит нос.
А потом на каждом доме,
Хоть на солнце – всё равно,
Со Снегуркою знакомой
Разрисует вам окно.
В этом мире всё без спроса,
Завершенья и приход.
Лета ивовые косы
Ветер осенью плетёт.

* * *

Ручей журчит, берёзка шепчет,
Сосна шумит издадека,
Чтоб в небе вновь смеялся кречет,
Коль полноводная река,
Полна спокойствия и неги,
Несёт течением бревно.
А снег ли, или дождь на небе,
Давным-давно ей всё равно.

• На конкурс: «Это было со мной в Андреаполе»

ЛИФАН

Это редкое имя я узнала прежде, чем человека, который его носил. Не раз приходилось слышать от окружающих осуждающее: «Ну, настоящий Лифан». Или: «Вот не хочешь учиться, будешь, как Лифан, под забором валяться». Одним словом, в нашем маленьком городке оно было нарицательным и отрицательным.

Детская память необычные яркие куски схватывает слёту и держит долгие годы, вероятно, по-своему их трансформируя. Так и у меня всё, связанное с Лифаном, которого и видела лишь два раза в жизни, превратилось в памяти в какую-то незабываемую и вместе с тем тревожную сказку и осталось в ней жить до сих пор.

Шла вторая половина пятидесятых. В те годы пьяниц как-то не водилось в нынешних масштабах. По крайней мере, мне запомнились только двое. Кроме человека, о котором мой рассказ, была в этом ряду ещё и женщина по имени Ольга, но кроме имени её ничего вспомнить не могу. Другое дело Лифан...

Жили мы с бабушкой тогда в Песчаном переулке, спускающемся от улицы Измайлова на левый берег Западной Двины. На противоположном берегу располагался известковый завод, день и ночь дымящий своей высоченной, уходящей в самое небо, красной кирпичной трубой. Останки её, с каждым годом уменьшаясь, и сейчас ещё высятся как самое заметное сооружение в наших местах. Тогда она нам, малышне, казалась грандиозной.

Таким же грандиозным виделся и сам завод с приземистыми белыми от известняковой пыли бараками, будто мукой припорошенными железными рельсами, по которым катали вагонетки. Полагаю, что официально вход нам туда был заказан, и всё-таки всезнающая и проникающая всюду ребятня просачивалась на манящий завод, потому что там иногда можно было выпить газировки. Настоящей, хоть и совершенно несладкой, шипучей газировки!

Помнится, что у нас газированной воды тогда вообще не продавали. Отведать её ребёнку из глухой провинции можно было, только выехав куда-нибудь в большой город. Специальная несладкая газированная вода предназначалась для заводских рабочих. Но и нам, если повезёт и если не нарвёшься на злого дядьку или ехидную тетеньку, а встретишься с потакающим детям рабочим, тоже иногда перепало.

В одну из таких вылазок мы столкнулись с настоящим великаном, который, присогнувшись, вышел из-под низкого тёмного свода. Весь белый, огромный, широкий в плечах, в одежде, казавшейся ему маловатой, потому что рукава далеко не доставали до кистей, он направился в нашу сторону, приветливо разведя руки. Казалось, он вышел из белой горы или подземной белой пещеры, и сам был её частью и порождением. Мне вспомнились сказки про подземных троллей, которых побеждал добрый великан, во всяком случае, таким я его и представляла себе, слушая радиопостановки. Телевизоров тогда не было, и детскому воображению ничего не мешало фантазировать в силу собственных возможностей. Он приветливо улыбался нам.

Этот, конечно же, напоит газировкой вволю, подумала я, сделав навстречу белому великану несколько шагов. Но, схватив меня за подол платья, ребята зашикали: «Это же Лифан, Лифан...». И потащили к выходу.

Когда я рассказала дома о случившемся, бабушка, с недовольством поджав губы, проговорила коротко: «Он ударник! И работает – не чета многим: когда не пьёт, по три нормы выполняет». Услышанное поразило. Бабушка, которая категорически отрицательно относилась к пьющим, не раз ругала собственного зятя, моего отца, да и о прочих, частенько прикладывающихся к рюмке, отзывалась недоброжелательно, вдруг совсем иначе отреагировала здесь. Мои ощущения, что в этом белом великане действительно что-то есть значительное, подтверждались авторитетными бабушкиными словами. И проснулось к нему уважение.

Вторую встречу с ним вспоминать неприятно и сегодня. Однажды, обегая окрестные закоулки в поисках друзей, заметила мальчишек, сбившихся в кучку возле чего-то странного, копошащегося на земле.

(продолжение на стр. 9).

Когда приблизилась, увидела Лифана, лежавшего возле забора в неловкой позе. Человек так лежать просто не мог, как будто изломала недобрая сила его крупное тело под невероятными углами да так и оставила валяться. Мальчишки, показывая на него, ехидно смеялись всякий раз, как он пытался или встать, или устроиться поудобнее. Дивясь себе самой, я набросилась на них. Колотила кулачками, кричала, что он ударник Коммунистического труда, а они просто противные и злые.

– Ты чего, чего ты? – не понимая моего запала, удивлялись мальчишки, всё же отходя в сторонку.

Услышав мою яростную защиту, поверженный невидимым злом Лифан, пьяно улыбаясь и мыча что-то неразборчивое, повёл рукой вправо-влево, будто оправдываясь, что всё не так, как видится, что мы его просто неправильно поняли. Лучше бы он этого не делал. С той секунды добрый сказочный великан из белой горы перестал существовать.

В ту пору я была дошколёнком. Это позже, читая поэму Некрасова, начну догадываться, что у Лифана есть прототип, запечатлённый в литературе как явление классическое, и что в русском мужике вполне может совмещаться, казалось бы, несовместимое – «он до смерти работает, до полусмерти пьёт».

А тогда я плелась домой, вспоминая всю сцену и этот жалкий жест нашкодившего и пытающегося скрыть нехороший поступок человека, и размазывала ладошкой слёзы. Сказка закончилась как-то неправильно. Оказалось, что зло не всегда бывает побеждено, а добрые великаны так запросто превращаются в некрасивых жалких карликов.

Маргарита Петрова,
Андреаполь.

На снимке: труба бывшего известкового завода сегодня.
Фото Татьяны Исаевой.

• Нам пишут

Полистала вчера газетку «Светлячок». Получила удовольствие – она светлая и добрая, авторы молодцы, многие достигли хорошего уровня. Так что ваша деятельность даёт им возможность развиваться, обмениваться творческими находками и таким образом реализовывать свой потенциал, что немаловажно для людей неординарных.

Энтузиасты из глубинки - вы наши дрожжи и соль. И хорошо, что не пропадает, хоть и заброшены. Столицы живут, а провинция выживает.

Татьяна Казакова,
Нелидово

Относительно «Завещания» Владимира Юринова (N1(46) за январь 2015 года) могу сказать следующее. Сюжет этот в литературе не нов. Меня не покидало смутное ощущение, что я уже про это читала. Первая часть рассказа – безупречная по стилю и языку, написана блестяще – проскальзывает нечто чеховское, а также – отзвуки Севелы и Искандера... А вторая часть к завершению – уже чисто юриновское.

Светлана Виноградова,
Нелидово

Спасибо, что опубликовали мои воспоминания об Андреаполе, спасибо за фото Дома Офицеров, это бесценно для меня. Понравился рассказ Леонида Зорина. Такая любовь к своим корням и боль по бездарно теряемому. Замечательная, добрая ваша газета, заставляет осматриваться вокруг, рядом и ценить, и беречь родное. Удачи Вам.

Светлана Копырюлина,
Смоленск

Только что дочитал «Светлячка» февральского. Великолепный номер, особенно проза, особенно "Серёжино". Стихи молодых – здорово! Другие стихи более-менее знакомы, что не помешало с удовольствием перечитать. Особое спасибо Линкевич за "Всё будет хорошо. Мы узнавали...".

Пётр Бобунов,
Нелидово

• Листая старые страницы

Валерий Трофимов,
Луги

* * *

Светлая-светлая мысль...
Где же бумаги лист?
Ведь ускользает смысл!
Лист остаётся чист.
Лист остаётся бел.
Мысли – Жар-птицы – нет...
Вновь поймать не сумел.
Грустно смотрю ей вслед.

**Февраль 2001 г.,
Иванихино**

* * *

Белые ночи, белые дни,
Белые книги слезами полны.
День напролёт хочу тишины,
Ночью срываюсь в вещие сны.

**Июнь 1995 г.,
Гатчина**

* * *

“Я в ответе за всё и за всех.
И за предков я тоже в ответе!”
А в лицо – неприветливый ветер.
А в лицо – издевательский смех.
“Ты в ответе за всех? Так скажи,
Как же думаешь ты отвечать?
И добро ото зла отличать?
И на деле затем докажи”.

“Докажу, и отвечу за всех!
Ну, а зло – оно чёрное в свете”.
А в лицо – неприветливый ветер.
А в лицо – издевательский смех.

**Апрель 2001 г.,
Иванихино**

* * *

Ночь пройдёт незаметно и тихо.
Яркие звёзды постепенно погаснут.
Новый день, сын восточной зари,
Улыбнётся, заглянет в окошко
Первым робким лучом.
И замрёт в восхищенье,
Увидав тебя спящей.
Пройдёт время немного,
И власть сна ослабеет.
Ты потянешься сладко,
И дрогнут ресницы.
А взглянув на весёлый
Солнечный зайчик,

Вдруг с радостью вспомнишь –
Сегодня же праздник,
И какой – День Рождения!
Да, тебе девятнадцать.
Следом вспомнишь
О том, что любима,
Больше жизни нужна кому-то.
И защежит в душе от избытка
Светлого, хрупкого счастья...

**Весна 1981 г.,
Ленинград**

* * *

Весенняя капель твердит своё:
Всё о любви, о ней, родимой.
О власти над людьми неотвратимой.
И сердце подчиняется моё...

**Март 2000 г.,
Симферополь**

УЧИТЕЛЬНИЦЕ

Есть в математике школьной
Прелесть строгой красавицы.
Не всегда была нами довольна,
Что не можем с задачками справиться.

Но мы любим её верховенство.
Нам учитель открыл секрет:
“В математике есть совершенство –
Негасимый Божественный свет!”

**Май 2000 г.,
Симферополь**

ПРАЗДНИЧНОЕ

Смотреть на зимний лес –
И видеть праздник мая,
И, не скрывая слёз,
Прощаться и прощать.
И знать всё наперёд,
Бесстрашно напевая,
Из Верди праздничный
Мотив...

**Декабрь 2000 г.,
Иванихино**

Некоторые рассказы Валерия Трофимова наш читатель уже имел возможность прочесть на страницах «Светлячка». В библиотеке есть и подаренная им книга «Мы всегда будем вместе», адресованная автором подросткам. В ней повесть с одноимённым названием, которая в 2003 году была опубликована в Крыму в журнале для молодёжи «Алые паруса».

Стихи свои автор отважился предложить в печать впервые.

- Непридуманные истории

НЕ ПРОСТИА

Аркадий неплохо учился в школе. Но все, кому довелось общаться с этим человеком, отмечали, что очень он вспыльчивый. И самое главное - злопамятный. Если его кто-то пусть даже ненароком обижал, он таил долго злобу в себе. И при каждом удобном случае старался отомстить обидчику.

В ранней юности к нему, как и к его сверстникам, пришла любовь. На свою девушку Аркадий просто любовался. Была она красивая и стройненькая, как тополек. Татьяна нравилась многим парням. Не один пытался добиться ее расположения, но тщетно. Аркадий тоже был хорош собой. И очень гордился, что Татьяна отдала предпочтение именно ему. Хотя ревновал он ее очень. Хотел, чтобы его любимая смотрела только на него. Боже упаси, если отведет взгляд в сторону.

Татьяну такая непредсказуемая ревность изматывала. Ей надоело бесконечно оправдываться перед любимым, доказывать свою невиновность. В мыслях она не раз думала, что пора бы порвать с Аркадием все отношения. Если он сейчас, ещё будучи парнем, так ее ревнует, что будет потом, когда они поженятся? И еще она заметила, что не пылает к Аркадию такой сильной страстью, как раньше. Отношения как-то шли на убыль.

В отпуск Татьяна уехала к себе на родину. Там она неплохо проводила время. Встретился ей парень, который по всем качествам превосходил Аркадия. Был он очень умный, интеллигентный, доброжелательный. В Татьяне не чаял души. В конце отпуска сделал ей предложение. Татьяна ответила согласием и направилась в деревню, чтобы уволиться с работы, собрать вещи и уехать к жениху. Она так увлеклась своим Николаем, что реже и реже вспоминала Аркадия. Неслучайно же поется в песне: «А для женщины прошлого нет. Разлюбила, и стал ей чужой». Или еще: «Бросьте, ребята, бросьте, наше ли это дело. Мы в сердце у женщин гости. Была любовь и улетела».

В деревню Татьяна приехала такая радостная, что все, в том числе и Аркадий, невольно заметили перемену в ней. Девушка решила не откладывать разговор с бывшим парнем в долгий ящик и все рассказала Аркадию. И даже показала ему фотографии, где они с Николаем такие счастливые. «Ничто теперь не разлучит нас», - сделала поспешный вывод Татьяна.

Аркадий не ожидал такого поворота событий. Его как будто ударили дверью по лицу – больно и неожиданно. Он долго обдумывал свой план действий и, наконец, решился. Чтобы девушка ничего не заподозрила, он пригласил ее в березовую рощу погулять, сказал, что перед расставанием хочет вспомнить все то хорошее, что их связывало. В душе у него зрела надежда, а вдруг у Татьяны вспыхнут прежние чувства к нему и они опять будут вместе.

Но, как выяснилось из разговора, Татьяна не хотела возвращаться к бывшему любимому человеку. И тогда Аркадий пошел на крайний шаг – застрелил любимую девушку. Долго он курил и думал, что же ему теперь делать дальше. Об этом свидетельствует дорога, сплошь усеянная окурками. И тогда он застрелился сам.

В деревне больше жалеют своих местных. Они очень скорбели по Аркадию, несмотря на его такой неуживчивый характер. Татьяну они больше осуждали, чем сочувствовали ей. Говорили, что нечего было изменять такому верному Аркадию. А если уж так случилось, уехала бы тихонько. И он бы жив остался, и сама.

Галина Ермолаева,
Андреаполь

Владимир Юринов**На картах не значит****Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта**

Пока я тут излагал историю про пианино, в моей голове крутилась навязчивая мысль о том, что нечто подобное, также связанное с подъёмом непомерных тяжестей, в моей орловской жизни уже случалось. Причём случалось неоднократно. Чуть ли не регулярно. И я вспомнил! Я вспомнил, как мы подвешивали на самолёт бомбы.

Дело в том, что наш многофункциональный сверхзвуковой истребитель был настолько многофункциональным, что, кроме всего прочего, был приспособлен и к работе по наземным объектам. Мы не бомбёры и не штурмовики, и задача уничтожения наземных целей остаётся для нас, лётчиков-истребителей, по важности не второй и даже не пятой, но, тем не менее, работать по земле мы должны были уметь, и после получения основных навыков борьбы с противником воздушным нас стали обучать и борьбе с противником наземным. А одним из средств уничтожения наземных объектов, наряду с пушкой и с различного вида управляемыми и неуправляемыми реактивными снарядами, как известно, является старая добрая бомба.

Бомбы бывают разные. В учебных целях мы обычно использовали самые маленькие из нынешних бомб – калибром 75 кг. Но время от времени нам подвозили и «сотки», и «двухсотпятидесятки», и даже «пятисотки». Зависело это от того, на какие бомбы вышел установленный срок хранения. Да-да, у бомб, как и у кефира, тоже есть свой срок хранения. И когда у бомбы, хранящейся на складе, этот срок подходит к концу, то такую бомбу положено утилизировать. По установленной методике делать это мучительно, долго и, главное, дорого. Поэтому в наших славных военно-воздушных силах (а я подозреваю, что и не только там) установилась добрая традиция: боеприпасы с вышедшими сроками хранения «закапывать в землю», то есть применять их по назначению. Боеприпасов у нас в стране накоплено много, делались они, по большей части, давно, так что армейским полигонам простаивать никогда не приходилось.

Так вот, о подвеске бомб на самолёт. Если ты, дорогой мой читатель, увидишь когда-нибудь в какой-нибудь военной кинохронике или, скажем, в художественном фильме о буднях защитников Отечества сюжет о том, как вешают бомбы на самолёт с помощью механических или, тем паче, гидравлических приспособлений, то можешь смело доставать из авоськи тухлые яйца и метать ими в экран. Ибо тебя дурят, причём дурят беспардонно и внаглую!

На самом деле в российской авиации эта увлекательная процедура традиционно – наверное, ещё со времён Нестерова и Арцеулова – выполняется вручную. Хотя, пардон, Нестерову и Арцеулову вешать бомбы на самолёт, конечно, было ни к чему: в те времена – времена летающих этажерок – бомбы были такими, что лётчики спокойно клали их по несколько штук в карман своей лётной куртки. Нам же, в отличие от прославленных русских авиаторов, вешать бомбы и ракеты на самолёт приходилось довольно часто. И если со стокилограммовыми и даже с двухсотпятидесятикилограммовыми «железяками» больших проблем не возникало, то «пятисотка» всегда стояла особняком.

Я вспоминаю, как мне довелось цеплять эту «дуру» на самолёт в первый раз. Это было во время учений. Поступила команда снарядить самолёты «четвёртым боекомплектом». А это у истребителей как раз и есть бомбы.

Когда мы, лётчики, приехали с эскадрильеского командного пункта в зону рассредоточения, то увидели, что под каждым из наших «бортов» лежат по две необычно большие бомбы, в которых мы без особого труда опознали хорошо известные нам по теоретическим занятиям ФАБ-500. Технический состав к нашему приезду успел сгрузить бомбы с машин, сбить с боеприпасов деревянную тару и раскатить полутонные «чушки» по самолётам. Оставалось самое интересное – подвесить бомбы на самолёты.

Для особых ценителей фортепьянной музыки сообщу, что пятисоткилограммовая бомба отличается от пианино тем, что она, во-первых, в полтора раза тяжелее, а во-вторых, – в четыре раза компактнее (всё-таки железяка есть железяка). Поэтому поднять такую «гирьку» голыми руками – задача из области нереальных. Но, как известно, против лома нет приёма. В случае с пятисоткилограммовыми бомбами роль такого лома исполняли две четырёхметровые стальные трубы. Их подсовывали под нос бомбы и под её стабилизатор и, взявшись по четыре человека за трубу, поднимали. Сложность заключалась в том, что бомбу надо было не просто поднять, но ещё и попасть её «серьгами» в прорези замков балочного держателя, закреплённого на самолёте. Поэтому девятый человек – со специальным ключом для закрытия замка – исполнял роль направляющего.

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

Выглядело это так. На «раз-два – взяли!» бомбу отрывали от земли и поднимали до уровня балочного держателя. После чего направляющий начинал громко командовать: «Правее, ...ля!.. Левее, ...ля!.. Назад, ...ля!.. Вперёд, ...ля!.. Выше, ...ля!.. Ниже!..», а вся группа из восьми человек изображала вокруг него ритуальный танец первобытных охотников, радостно держа на весу полутонную махину, как добытого на охоте мамонта. Это нерядовое действие вызывало порой у сторонних наблюдателей невольные ассоциации с номером провинциального солиста-эстрадника, выступающего на сцене со своей группой подтанцовки. Длительность «танца» напрямую зависела от профессионализма направляющего и физических кондиций «охотников». Но в конце концов щёлкал замок, и «мамонт» оказывался подвешенным под самолётным фюзеляжем.

Ещё сложнее было со второй бомбой. Дело в том, что расстояние между балочными держателями на нашем самолёте небольшое, и первая, подвешенная, бомба мешала вешать вторую. «Носилки» приходилось ставить под углом. Бомба на них лежать спокойно теперь не хотела и начинала ёрзать. Попасть «ушками» бомбы в прорезь держателя становилось ещё сложнее, голос «солиста» набирал силу и обрастал истерическими обертонами, «подтанцовка» пыхтела, шаркала ногами по бетону и сдавленно материлась. Привлечённые криками и оживленной подсамолётной вознёй со всех сторон начинали сбегаться сочувствующие. Слышались слова дружеской поддержки, обильно сыпались советы, голос «солиста» взлетал до невысказанных вокальных высот и порой брал «ля» восьмой октавы, «охотники» зверели прямо на глазах и всё чаще угрожали бросить своего «мамонта». Но нет на свете ничего бесконечного – в конце концов опять щёлкал замок, подводя черту и под этой непростой частью армейского «марлезонского балета».

Так что, уважаемый читатель, повторю: если тебе кто-нибудь скажет, что бомбы на самолёт в наших славных ВВС вешают иначе, как вручную, можешь смело подавать на этого человека в ближайший суд за клевету и диффамацию.

(Впрочем, не бывает правил без исключений, и мне всё-таки доводилось видеть, как вешают на самолёт бомбы с использованием специального подъёмника. Но это – уже совсем другая, совершенно отдельная история, которую я поведаю вам дальше, в другой главе).

Кстати, любопытен и обратный процесс – процесс съёма бомб с самолёта. Действительно, если бомбу не предполагается использовать по прямому назначению, то есть подвеска осуществлялась в тренировочных целях, то, естественно, бомбу по окончании тренировки необходимо с самолёта снять. Самолёт ведь не новогодняя ёлка, которую, в принципе, (и я знал таких любителей) можно не разряжать вплоть до следующего Нового Года.

С процедурой съёма бомб с самолёта я ознакомился в тот же, памятный для меня, день.

Часа через полтора после того, как на последний самолёт была подвешена последняя бомба, поступила команда: «На исходную!». Это означало, что бомбы надо с самолётов снять, запаковать обратно в деревянную тару и отправить на склад.

Мы, предвкушая новый кусок тяжёлой работы, нехотя потянулись к самолёту, но всё произошло намного быстрее и эффективнее. В кабину самолёта поднялся техник, включил питание, что-то там нажал и... – ТА-ДАММ!!! – обе бомбы грянули с держателей на бетон. Земля содрогнулась...

Нет, умом я, конечно, понимал, что невзведённая бомба от простого удара о землю взорваться не может. Вне зависимости от высоты сбрасывания и твёрдости подстилающей поверхности. Умом я это, конечно, понимал... Но когда в пяти метрах от тебя на бетон падают два раза по полтонны взрывчатки и ты знаешь, что диаметр воронки от пятисоткилограммовой бомбы равняется тридцати метрам при глубине в десять, то... – как бы это сказать? – на душе становится как-то неуютно...

-ТА-ДАММ!!! – сказали падающие бомбы, и на стоянке воцарилась уважительная тишина. «...!!!» – эмоционально прокомментировал произошедшее чей-то одинокий голос, и с высказыванием согласилось большинство присутствующих. Я так вообще почувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Поплевав на ладонь, я пригладил свои, стоящие дыбом, волосы и – бочком-бочком – двинулся прочь, огибая ещё беременные бомбами «борта» по максимально удалённой от них траектории...

Но мы отвлеклись, мой уважаемый читатель! Мы отвлеклись на бомбы, на какие-то там начинённые тротилом, злосчастные ржавые железяки, на самом деле цена которым – пятак в базарный день. Причём отвлеклись мы на эти чёртовы бомбы не от чего-нибудь, а от музыки! Мы совсем забыли о названии данной главы! Скорей, скорей назад, мой вдохновенный читатель! Что бомбы? Бомбы подождут! Ибо, как говорил незабвенный Маэстро в фильме «В бой идут одни старики»: «Война – это преходяще, а музыка – вечна!..». Вернёмся же к музыке! О ней ещё далеко не всё сказано.

Наша музыкальная жизнь, разумеется, не ограничивалась только переноской музыкальных инструментов. Были в ней и другие стороны.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.13-14).

Так, все шесть лет, проведённых мной в Орловке, со мной была моя гитара. И с её помощью я не только изощрённо терзал слух своих соседей по квартире и не только насочинял за эти годы энное количество разнообразно-безобразных песен, но и даже совратил две чистые, но заблудшие души, обучив их игре на этом бесовском инструменте.

Но, конечно, основным источником музыки у нас в Орловке были магнитофоны. А среди всех магнитофонов – ярчайшим созвездием на общем блёклом фоне – выделялись японские двухкассетники.

О, эти японские двухкассетники! Они заслуживают о себе отдельного слова. Причём слова, сказанного высоким поэтическим «штилем».

Они вошли в нашу жизнь в конце 70-х, появившись единичными экземплярами на полках комиссионных магазинов. И сразу поразили наше воображение! Наше поколение, для которого вершиной бытовой радиотехники на тот момент было детище Запорожского электромашиностроительного завода, скрипяще-дребезжащий кассетник «Весна-202», было просто околдовано этим продуктом непостижимой иноземной технологии.

Их смелый дизайн шокировал. Их чистейшее звучание заставляло затаивать дыхание. Их неисчерпаемая многофункциональность поражала. Ритмичный танец огоньков их эквалайзеров очаровывал и завораживал. Вот только цена... Цена их была заоблачной. Да что там говорить, она была просто космической! Особенно для молодого человека. Она сбивала с ног и будила в сердце трудносдерживаемое желание продать душу дьяволу. Ну, или хотя бы ещё раз вдумчиво перечитать историю студента Раскольников. Стоил один такой агрегат, как три мотоцикла.

Шлюзами, через которые просачивались в нашу страну эти аппетитные продукты «загнивающего капитализма», были, разумеется, таможни портовых городов. И первыми среди этих городов – наверное, по близости к источнику производства – были города дальневосточные. Поэтому и выбор японских двухкассетников в комиссионках Владивостока и Находки был значительно шире, а цены на них – гораздо ниже. Кроме того, следует помнить, что и Находка, и Владивосток в те времена были городами закрытыми: они находились в пограничной зоне и въезд в них был разрешён только для граждан с местной пропиской, а для иногородних – по специальному, заверенному погранслужбой приглашению от проживающих там родственников или по иному, отмеченному гербовыми печатями официальному документу, типа командировочного или какого-нибудь иного предписания. Такое положение вещей вызывало некоторую затоваренность местных комиссионков, что тоже – в полном соответствии с суровыми, но объективными законами рынка – не могло не сказаться на уровне тамошних цен.

Поэтому, попав на Дальний Восток, ознакомившись со здешним положением вещей и ощутив в кармане очень даже немаленькую зарплату военного лётчика, мы вдруг осознали, что, ещё столь недавно казавшаяся совершенно несбыточной, мечта о японском двухкассетнике наконец-то выходит из затяжной стадии бесцельного слюнопускания и постепенно переходит в стадию практической реализации.

Зарплата у нас действительно была большая. Я, во всяком случае, ничуть не экономя и ни в чём себе не отказывая, мог совершенно спокойно откладывать две трети своей получки на сберкнижку. Таким образом, примерно через полтора года у меня скопилась сумма, вполне достаточная для того, чтобы осуществить свою давнюю заветную мечту.

Способ попасть в закрытый Владивосток тоже имелся. Нам, как военнослужащим, при убытии в отпуск полагались воинские перевозочные документы – «требования». Выписать их можно было от любой и до любой точки Советского Союза. Включая и закрытые города. И я, дождавшись очередного отпуска, поехал в столицу Приморья.

Моё турне по владивостокским комиссионкам было недолгим. Практически в первом же магазине на Океанском проспекте я увидел ЕГО...

Разумеется, я выбрал самый большой двухкассетник, с самыми мощными колонками и самым красочным – десятиполосным! – эквалайзером. Звали его SHARP НК-9000. Коробка с моим – переносным! – «Шарпом» была столь большой, что в вагоне не влезала ни в одно из предназначенных для багажа отделений и от Владивостока до Серышево ехала в проходе под моим бдительным и неусыпным надзором.

Мой «Шарп» стал первым представителем страны восходящего солнца, обосновавшимся в нашей холостяцкой квартире. Но его одиночество было недолгим. В течение года тем или иным отпрыском двухкассетного самурайского племени обзавёлся практически каждый лётчик-холостяк нашего гарнизона. Наша музыкально-магнитофонная жизнь забила ключом.

(продолжение следует).

• Возвращаясь к темам
ПОЭТ В РОССИИ

На 1 декабря 2014 г. только на сайте «Stihi.ru»

было зарегистрировано более 600 000 поэтов

Мой друг сказал мне: «Э, да ты – поэт...»

И не понять – вознёс или унизил.

Что есть поэт? Заглянем в интернет:

«творец», «писатель», «лирик, а не физик»,

«фантаст», «мечтатель», «выдумщик», «эстет»...

Достаточно. И вот ещё попалось:

«Поэт в России больше, чем поэт...», –

сказал поэт. Поэтому впиталось.

А много ль нас?.. О господи, спаси!

Нулей-то сколько! Как поверить в это?!

Поэтов, оказалось, на Руси

не то что много – здесь одни поэты!..

Поэтов на Руси не перечесть.

Здесь всяк с пелёнок тянется к искусству.

Поэтов на Руси не переместь,

не перетрясть, не перевывесть дустом.

Поэт в России – кто он есть таков?

Что думает? Чем дышит? Что умеет?

Он потому поэт, что без оков?

Иль оттого, что сам взлететь не смеет,

и потому до горней высоты

под зад пинком Пегаса запускает?

Он – сибарит? Ценитель красоты?

Иль только срам стихами прикрывает?

Всё оказалось проще: в декабре

из дома выйди – что там под ногами?

Когда мороз полгода на дворе,

чем греться? Ясно – водкой иль стихами!

Иль, скажем, жизнь берёт вас за кадык –

кровь закипает, превращаясь в лимфу.

Тут или – в хрип, иль, понимаешь, – в крик.

А что кричать? Чем матом, лучше – в рифму!

Что говорить, ведь знаем ты и я:

вся наша жизнь – по гравию на лыже!

Поэт в России – форма бытия.

Да непоэту на Руси не выжить!

Поэт в России больше, чем поэт,

быть лишь поэтом для России – узко.

Ясней скажу: здесь непоэтов нет,

«поэт» здесь есть синоним слова «русский»!

Владимир Юринов

ТЕЛО БЕЗ ДЕЛА

Лежало тело на полу,

Лежало тело,

К большому счастью моему

Есть не хотело.

Лежало тело на полу,

Лежало тело,

Ну, наконец-то я скажу

Всё, что хотела.

И, мщенья тайного полна,
Я рот открыла,
Но где же рифмы? Вот беда, -
Я всё забыла!

Витают что-то в голове

И пчёлкой бьётся,

Но удержать слова в узде

Не удаётся.

«Ты трутень, лодыря кусок,
обмылок мыла!»

А изнутри вдруг голосок:

«Ты что, забыла?

Какое было торжество,

Какое тело!

И даже что-то и могло,

И борщ твой ело!

И сорняки тебе дарить

Не забывало,

Когда на даче в борозде

Ты «отдыхала»!

А тело силы берегло

И хорошело,

Жирком немножко заплыло,

Заматерело.

С него портрет бы написать

И в рамку вставить.

Жаль, позу тела, так сказать,

Уж не исправить.

Как образец, как монумент,

Забронзовело!

Упущен мной такой момент –

Проснулось тело!

Валентина Аракчеева

ПРО САЛО

Я видел, как Вы сало ели –

Вас невозможно прокормить!

Пётр Бобунов

Ах, сало! Я люблю его, конечно,

Но этого никто не должен знать.

На вилочку поддену ломтик нежный,

Одна, закрывшись, буду смаковать.

С картошечкой, с лучком. Ммм! Наслажденье!

В России сало ела даже знать.

Какой-то Бобунов в стихотворенье

Придумал вдруг меня критиковать.

Глупец какой, ну кто ему поверит.

Я докажу, что всё он просто врал.

Чтоб дама из возвышенных материй

Вдруг сало ела?! Фи, какой скандал.

Ах, вкусно как! Ещё один кусочек...

С кем он связался, не на ту напал!

Пусть извинится за абсурдность строчек...

Вот выдумал... Ах, вкусно как... Нахал!

Маргарита Петрова